

5.7.2. История философии
(философские науки)

К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН:
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
«ЖИВЫХ» ИСТОЧНИКОВ ПРОШЛОГО

УДК 1 (091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-30-36>

Е. Е. Михайлова

Тверской государственный технический университет,
Тверь, Тверская область, Российская Федерация,
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Аннотация. Долгое время историческая наука в своем стремлении достичь объективности воспринимала легенды, рассказы очевидцев, мемуары и другие «живые» источники прошлого как недостоверные знания. Теоретики петербургской исторической школы рубежа XIX–XX веков в числе первых обратили внимание на социокультурную значимость «живых» высказываний, способных хранить и воспроизводить сведения из прошлого. В статье высвечена исследовательская позиция русского историка К. Н. Бестужева-Рюмина: с научной точки зрения, предания и свидетельства не могут являться достоверными источниками; в социокультурном значении, наоборот, они важны для обнаружения «мостика» между автором текста и его интерпретатором. Сделан вывод о том, что в курсе «Русской истории» Бестужева-Рюмина использованы не только археологические, вещественные, юридические, этнографические источники, но и «живые» дискурсивные формы – предания старины, слово летописца, рассказ очевидца, мемуары, курьезы и другие ресурсы культурной памяти человечества.

Ключевые слова: К. Н. Бестужев-Рюмин, летописный рассказ, историческое предание, свидетельство очевидца, социокультурное значение источников.

Для цитирования: Михайлова Е. Е. К. Н. Бестужев-Рюмин: социокультурное значение «живых» источников прошлого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. №1 (123). С. 30–36. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-30-36>

МИХАЙЛОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет

MIKHAILOVA ELENA EVGENIEVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University

© Михайлова Е. Е., 2025

K. N. BESTUZHEV-RYUMIN: SOCIO-CULTURAL SIGNIFICANCE OF “LIVING” SOURCES OF THE PAST

Elena E. Mikhailova

Tver State Technical University,
Tver, Tver Region, Russian Federation,
e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Abstract. For a long time historical science in its desire to achieve objectivity perceived legends, eyewitness accounts, memoirs and other “living” sources of the past as unreliable knowledge. The theorists of the St. Petersburg school of history at the turn of the nineteenth and twentieth centuries were among the first to draw attention to the socio-cultural sense of “living” statements capable of storing and reproducing information from the past. The article highlights the research position of the Russian historian K. N. Bestuzhev-Ryumin: from the scientific point of view, legends and testimonies cannot be reliable sources; in the sociocultural sense, on the contrary, they are important for finding a “bridge” between the author of a text and its interpreter. It is concluded that the course of Bestuzhev-Ryumin’s “Russian History” uses not only archaeological, material, legal, ethnographic sources, but also “living” discursive forms – legends of olden times, the word of the chronicler, eyewitness accounts, memoirs, curiosities and other resources of the cultural memory of mankind.

Keywords: K. N. Bestuzhev-Ryumin, chronicle story, historical legend, eyewitness testimony, socio-cultural sense of sources.

For citation: Mikhailova E. E. K. N. Bestuzhev-Ryumin: socio-cultural significance of “living” sources of the past. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2025, no. 1 (123), pp. 30–36. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2025-1123-30-36>

Культурно-историческая память складывается из воспоминаний, которые люди проносят из века в век сквозь поколенческий опыт. В общих чертах механизм коллективного воспоминания рисуется исследователями социогуманитарного знания в триаде «восприятие – запоминание/фиксация – воспроизводство» [7]. В объяснении природы этого феномена считается важным учитывать большое количество факторов – природных, исторических, социальных и культурных. В последние десятилетия актуализируется интерес к «живой» истории (личные воспоминания, индивидуальные судьбы, поколенческие традиции и т. д.) и к «живым» источниками прошлого [1, с. 180]. Под последними подразумеваются две формы высказываний: с одной стороны, жанры устного народного творчества – мифы, легенды, предания, сказки; с другой стороны, письменно зафиксированные наблюдения – сказания летописцев, свидетельства очевидцев, автобиографии и биографии, сделанные современниками, известия о событиях и их пересказы, слухи, курьезы и другие ресурсы

культурной памяти человечества [3; 9]. Так, рассматривая сказку в качестве особой формы реализации смысла, А. Е. Рыбас прямо характеризует ее как «живой» след культуры, по которому надо двигаться дальше, чтобы «сказка продолжалась», чтобы человек обретал уверенность в возможность чуда или мистики совпадений [9, с. 116, 118].

Мысли о ценностно-теоретической значимости исторических преданий и свидетельств можно встретить в работах представителей петербургской исторической школы рубежа XIX–XX веков. Наиболее развернутую теоретизацию они получили в двухтомной работе А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» (СПб., 1910–1913 гг.) [4]. Предания и рассказы очевидцев, пересказы и слухи – все эти свидетельства, на взгляд русского методолога, с научной точки зрения являются недостоверным материалом. Однако в социокультурном плане они помогают историку индивидуализировать критическую оценку человека известной культуры [1].

Изложенные взгляды Лаппо-Данилевского перекликаются с позицией научного критического отношения к источникам одного из основателей петербургской исторической школы Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829–1897). Деятельность Бестужева-Рюмина по систематизации источников уже при его жизни высоко оценивалась современниками. Петербургский ученый ставил перед собой три задачи: систематизировать источники, подвергать их исторической критике и излагать русскую историю на основе выверенных источников. Даже сегодня исследователи отмечают, с какой тщательностью организован у Бестужева-Рюмина библиографический раздел его «Русской истории», насколько грамотно проведен сравнительный анализ имеющихся в его распоряжении исследований [6; 8].

Предложенный разговор о социокультурном значении «живых» источников в творчестве Бестужева-Рюмина следует начать с фиксации двух текстовых особенностей его «Русской истории» [2]. Первая: в основу исторического повествования положены не только археологические, вещественные, юридические, этнографические источники, но и сведения летописцев, предания, сказания, жития, рассказы, мемуары, даже курьезы. Вторая: основному изложению курса русской истории предшествует раздел, в котором подробно анализируются все виды индивидуализированных высказываний о прошлом. Перечисленные вводные обстоятельства позволяют обозначить цель статьи – рассмотреть, как оказались встроенными «живые» источники прошлого в историческое повествование К. Н. Бестужева-Рюмина и какое социокультурное значение он придает этим обстоятельствам.

Во введении к «Русской истории» Бестужев-Рюмин уделяет пристальное внимание трем группам авторов, из текстов которых можно извлечь первую информацию о славянах, – византийским летописцам, арабским писателям, западноевропейским и западнославянским очевидцам. По выкладкам Бестужева-Рюмина, в сказаниях византий-

ских авторов VI–XII веков встречаются самые ранние известия о быте, религии, военных походах, торговле и нравах славян. Первым рассматривается Прокопий (VI в.), далее фиксируются Феофилакт Симокатта, Константин Багрянородный, Лев Диакон и другие авторы, оставившие непосредственную информацию о славянах. У арабских писателей X–XIV веков также находятся сведения, касающиеся Древней Руси. В качестве значимых очевидцев петербургский историк называет таких, как Ибн Хордадбех, Ибн Фадлан, Ат-Табари, Аль Масуди и других арабоязычных путешественников. Полнота выборки их высказываний помогает пролить свет на торговлю, переселения, воинский стиль и этнографию славянских народов.

Характеризуя первые две группы источников, Бестужев-Рюмин говорит, что византийские сведения информационно более надежны, но разрозненны и отрывочны, поэтому перед учеными стоит насущная задача – достичь «полного выбора с критической оценкой всего годного для русской истории». Сведения арабских писателей более подробны, но менее достоверны, поскольку, на взгляд русского историка, им мешает излишнее «богатство фантазии» [2, с. 161, 199].

Самый широкий диапазон свидетельств (с VI века до середины XIX века), по понятной локационной близости, имеет третья группа «живых» источников – записки, донесения, отчеты, мемуары, книги западноевропейских и западнославянских очевидцев. Бестужев-Рюмин начинает с первых сведений о славянах готского историка Иордана (VI в.), далее следует за средневековыми авторами, среди которых Григорий Турский, Эйнхард, Козьма Пращский, Генрих Латвийский, Вульфстан и Отер, Плано Каприни, Энтони Дженкинсон, Жак Маржерет и другие. Подробно перечисляются очевидцы и писатели от эпохи правления Алексея Михайловича до Павла I.

Интересны краткие и меткие характеристики, которые попутно дает Бестужев-Рюмин записям, донесениям и книгам авторов. Например, редакция летописей краковского каноника

Яна Длугоша есть «громадная компиляция»; сочинения Сигизмунда фон Герберштейна – «один из самых важных источников для изучения Русской истории»; Исаак Масса – «составитель замечательной карты России»; собрание рисунков Августина Мейерберга – «одно из лучших пособий для изучения русских древностей»; записками Яна Килинского «надо пользоваться с осторожностью»; история России Пьера Левека «сухая и тяжелая, но далеко не бесполезная» и так далее [2, с. 164–176].

В своей совокупности источниковедческая картина, выведенная Бестужевым-Рюминым, создает у читателя эффект «узнаваемости», когда он приступает непосредственно к изучению курса «Русской истории». На том или ином фрагменте текста в сознании читателя всплывает имя летописца, или писателя, или путешественника, о записях которых, со всеми их достоинствами и недостатками, он уже был ознакомлен во введении к курсу истории. Два примера могут послужить иллюстрацией высказанного суждения.

Первый пример связан с оценкой образа жизни славян в период складывания государства. Бестужев-Рюмин указывает, что самые древние сведения о верованиях и быте славян обнаруживаются в сказаниях византийских историков. Цитируя их записи, историк считает нужным напомнить, что рассказы полны неточностей, противоречий и преувеличений [2, с. 199]. Это хорошо видно на подмеченных им разночтениях в оценке жизненного уклада славян. По свидетельству одного, у славян преобладают «мирные наклонности», они вооружены не мечами, а кефалями (Феофилакт); другой пишет о том, что славяне «любят сражаться» (Маврикий); третий считает, что славянам свойственен «мирный земледельческий быт» (Лев Диакон) [2, с. 231]. Интересно, что сам Бестужев-Рюмин воздерживается от однозначных оценок. Однако по контексту можно понять и его позицию. Например, в курсе «Русской истории» им фиксируется – без вводных слов сомнения – сложившийся у полян обычай платить дань хазарам мечами. Более того, историк считает приемлемым включить рассказ

арабского писателя X века Ибн Дасты о славянском обряде в честь новорожденного ребенка, согласно которому отец кладет перед сыном меч и говорит: «Не оставляю тебе в наследство никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом» [2, с. 232].

Примечательно, что история с мечом встречается и в курсе лекций по русской истории В. О. Ключевского. Историк-позитивист называет рассказ о дани в виде меча «древним киевским преданием» и наделяет его далеко идущим символическим смыслом. Он цитирует слова летописца о том, как отреагировали хазарские старейшины на привезенную из русского похода дань в виде меча: «Не добра эта дань, князь; мы доискались ее оружием односторонним, т. е. саблями, а у этих оружие обоюдоострое, т. е. меч; они будут брать дань с нас и с других стран» [5, с. 139]. Символизм предания, по наблюдениям Ключевского, сводится к тому, что дальнейшая история действительно все расставила по своим местам: хазары вошли в состав древнерусского государства и стали платить дань киевскому князю.

Второй пример иллюстрирует то, как Бестужев-Рюмин во введении детально изучает источники по русской истории и как происходит последующая «встреча» читателя с их авторами на страницах «Русской истории». Этот пример связан с именем Андрея Курбского – современника Ивана IV. В историографическом обзоре Бестужев-Рюмин кратко рисует историю взаимоотношений князя Курбского и царя Ивана Грозного и дает читателю прямую установку в отношении сочинения А. М. Курбского о деяниях Ивана Грозного. Оно представлено как политическое высказывание, направленное против борьбы царя с боярскими родами. Историк резюмирует: «По явному пристрастию, верить Курбскому вполне нельзя, но книга его сама по себе интересна, как выражение мнения известной партии» [2, с. 102]. Далее, в той части «Русской истории», где описывается жизнь и деяния Ивана Грозного, Бестужев-Рюмин цитирует Курбского с разной тональностью. В одном случае в одобрительном ключе приводится

оценочное заключение о падении нравственного облика царя: «Душу его от прокаженных язв исцелил и очистил бы, и развращенный ум исправил» [2, с. 639]. В другом случае подвергаются критике односторонние выводы Курбского об исключительной роли молодых и образованных придворных, проводивших реформы государственного управления: «Не думаем, чтобы много могли сделать какие-либо советники без полного убеждения со стороны царя о необходимости изменить многое в существующем строе» [2, с. 642].

По мере чтения «Русской истории» Бестужева-Рюмина складывается впечатление о том, что сведения очевидцев кажутся автору крайне важными и уместными источниками. Однако видно, как он ратует за необходимость подвергать их критической оценке. С одной стороны, по наблюдениям автора, показания очевидцев «сохраняют драгоценные для истории подробности», с другой стороны, надо «очень осторожно обращаться с источниками этого рода» [2, с. 94, 98]. Впоследствии схожий исследовательский прием Лаппо-Данилевский назовет «индивидуализирующей интерпретацией». Процедура предполагает, что исследователь «живых» источников должен сделать ряд обязательных шагов: собрать сведения об индивидуальных особенностях автора, чтобы оценить степень беспристрастности его записей; очертить его положение в обществе, чтобы понять мотивацию высказываний, моральные установки, эстетические вкусы и другие свойства; наконец, изучить обстановку, в которой зарождались записи: война или мир, кризис или спокойствие и т. д. «Таким образом, благодаря своему знакомству с личностью автора, историк получает возможность индивидуализировать критическую оценку его показаний», – такими словами Лаппо-Данилевский солидаризируется со своим старшим современником Бестужевым-Рюминым [4, с. 346].

На первый взгляд создается впечатление, что исторические предания как «живые» источники прошлого привлекают внимание Бестужева-Рюмина гораздо меньше, чем по-

казания непосредственных участников событий во всем их дискурсивном многообразии: от слов летописцев, путешественников, торговцев, послов, писателей, придворных мемуаристов – до суждений наемных солдат, авантюристов или просто искателей разного рода приключений. Однако, если вдумчиво двигаться по тексту, то видно, что в «Русской истории» преданиям отведена особая роль. В интенции Бестужева-Рюмина они наполняют своими «поэтическими фантазиями» сухой текст изложения событий прошлого, чтобы читатель смог подключить интуицию и воображение, испытать эмпатические сопереживания с людьми и событиями прошлого.

Исследователи творчества Бестужева-Рюмина солидарны в том, что он старался обнаружить схожие черты в общественном устройстве чехов, сербов, поляков и восточных славян, особенно на стадии складывания ранних государств. Например, именно одинаковой жизненной организацией в форме семейных общин объяснялось происхождение и расселение славян [8]. В «Русской истории», говоря о формировании государства у славян, Бестужев-Рюмин не поддерживает теорию родового строя С. М. Соловьева и выведенную им линию развития «род – территориальная община – племя – государство», а настаивает, что «общины территориальные могли создаваться только из имеющих уже семейных элементов и по их образцам» [2, с. 220].

Возможно, для художественного усиления мысли о приоритете семейного устройства над родовым Бестужев-Рюмин вводит в текст «Русской истории» довольно длинную легенду об обряде легитимации князя, выбранного ранее на вечевом сходе у чешских славян. К старосте семейной общины подходит новоизбранный князь с дружиной. Далее цитируется такой диалог: – «Кого вы везете?». – «Князя земли этой, которому ты должен уступить стол». – «Не сделаю это, пока не узнаю, достоин ли сидеть на этом столе?». – «Честный ли, благородный ли он человек?». – «Справедливый ли он судья, не позволяющий ни дружбе, ни вражде отвлекать себя

от правды?». – «Будет ли соблюдать покой земли, охранять вдов и сирот, поддерживать право каждого?». После положительных ответов начинается ритуал присяги. Здесь же Бестужев-Рюмин признается, что риторика чешского предания перекликается с русским: и те, и другие призывают к символическому порядку, справедливости и чести. Историк цитирует обращение послов русских славян к варягам: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да пойдите княжить и воладети нами» [2, с. 224]¹.

По понятным причинам, за дальностью веков, легенды и предания часто встречаются в истории Древнерусского государства. Однако интересно, что и для изложения последующих страниц «Русской истории» Бестужев-Рюмин не оставляет без внимания рассказы о чудесах. Так, история о походе Ивана Грозного против Казанского ханства объяснялась и фактами, и мифами. С фактической точки зрения, взятие Казани было необходимо для безопасности торгового пути по Волге и «чтобы укрепить город людьми русскими» [2, с. 644]. Рядом с фактами соседствует мифологический рассказ о том, как при взятии казанского кремля стояла плохая погода, потому что татары «на войско христианское чары творили и великую пловию наводили». Рассказ завершается тем, что пришлось посылать в Москву за крестом; когда обошли с ним войско, сразу «погода установилась» [2, с. 645]. Из этого примера видно, что работа с фактами олицетворяет профессиональный взгляд историка на деятельность Ивана IV, а предание рассказывает о силе веры и о желании иметь, как в сказке, счастливый конец исторического события.

Богатый этнографический материал, накопленный к концу XIX века, заставил представителей петербургской исторической школы задаться следующим вопросом:

как можно соединить в изложении истории такие столь различные представления о прошлом, как факт и миф? В их трудах обнаруживаем динамику «ответа» на этот «вызов». Если внимательно взглянуть в трактовку «живых» источников прошлого на страницах «Русской истории» Бестужева-Рюмина, то с точки зрения тонкости интерпретации вырисовывается социокультурный посыл: рассказы очевидцев и произведения фантазии и вымысла следует рассматривать как особое высказывание о событиях и деятелях прошлого, поэтому их следует включать в круг источников и подвергать исторической критике наравне с доказательно обоснованными фактами. В плеяде молодых представителей исторической школы Петербурга выкладки Бестужева-Рюмина нашли свою дальнейшую интерпретацию. Так, Лаппо-Данилевский, изучая свидетельства очевидцев событий прошлого, проводит теоретические разграничения разновидностей «волевых показаний» и предлагает брать в расчет мотивационные соображения носителей «живого» высказывания [4, с. 318–319].

Использование «живых» источников прошлого, в рецепции Бестужева-Рюмина, подразумевает, что исследователь и читатель не просто получают информацию, но активно взаимодействуют с ней: сопереживают, анализируют, «примеряют» на свою настоящую жизнь. Индивидуализированные высказывания, встроенные в текст «Русской истории» Бестужева-Рюмина, усиливают рефлексию, интуицию, эмпатию, воображение и другие аспекты человеческого опыта, которые помогают понять мир автора прошлых лет через читателя, живущего «здесь-и-теперь».

Бестужев-Рюмин не просто уделял большое внимание изучению разнообразных источников, включая летописи, законодательные акты, мемуары, письма и другие документы, но и осуществлял глубокий анализ каждого источника. Можно выделить три способа, помогающие историку гармонично использовать и научные факты, и «живые» источники в изложении истории. Во-первых,

¹ Наряд – порядок, устройство, правопорядок, организация. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 (Н – наятыся) / сост. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1983. С. 227.

Бестужев-Рюмин стремился понять не только содержание источника, но и контекст его создания; для этого он учитывал социокультурные условия, а также – политические и социальные факторы непосредственного момента события. Во-вторых, исследователь использовал сравнительный метод, сопоставляя исторические события, происходящие не только в России, но и в других странах, в первую очередь, в локациях проживания западных и южных славян. Это помогало выявлять уникальные черты российской истории и понимать ее место в мировом историческом процессе. В-третьих, ученый стремился к объективности и критическому осмыслению информации. Очевидно, что одним из ключевых методов работы Бестужева-Рюмина было

сопоставление различных источников для выявления противоречий и несоответствий. Это позволяло более точно интерпретировать события прошлого и избегать односторонних оценок. Вот почему живое слово очевидца исторического события было для историка настолько же важным, как и доказанный научный факт. Разумеется, научный факт и «живое» слово как инструменты исторического познания являются диаметрально противоположностями. Несмотря на это в «Русской истории» Бестужева-Рюмина они представляют собой сбалансированное целое. Наука активно движется к объекту, анализирует его; «живые» источники сами говорят с читателем, придавая высказыванию доверительную тональность.

Список литературы

1. Академик А. С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: сборник. Санкт-Петербург: Интерсоцис, 2019. 888 с.
2. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. До эпохи Ивана Грозного. Москва: Академический Проект, Культура, 2015. 702 с.
3. Воеводина Л. Н. Мифология как часть символического универсума // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5. С. 51–57.
4. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в двух томах. Т. 2. Москва: РОССПЕН, 2010. 632 с.
5. Ключевский В. О. Сочинения: в девяти томах. Т. I. Курс русской истории. Часть 1. Москва: Мысль, 1987. 430 с.
6. Малинов А. В., Петряев С. В. Бестужев-Рюмин Константин Николаевич. 1829–1897 // Историки России. Иконография. Сборник научных статей. Москва: Собрание, 2023. С. 86–97.
7. Мареева Е. В. Культурная память и парадигмы в изучении прошлого: от философии истории к memory studies // Науки о культуре: теория и практика. Коллективная монография. Москва: Московский государственный институт культуры, 2023. С. 27–39.
8. Михайлова Е. Е. Историософские взгляды К. Н. Бестужева-Рюмина в оценке В. О. Ключевского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 3. С. 162–169.
9. Рыбас А. Е. Философия русской сказки // Вече. 2016. № 28. С. 113–129.

*

Поступила в редакцию 17.01.2025